

С.В. Бацаева
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель к.ф.н., доцент Н.И. Завгородняя

ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ЖДАНОВА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Творчество И. Жданова многогранно. С одной стороны, поэт, с другой, – фотограф, – его творчество открывает нам широкие возможности для интерпретации произведений и мироощущения поэта. Подход, обозначенный в теме, заявляет «эзотерическую традицию» в широком понимании смысла слова «эзотерический», поскольку эзотерика (в пер. с греч. – «внутренний», скрытый) есть область специфических взглядов о глубинно-мистической сути человеческой жизни и предполагает глубокое осмысление духовного познания и скрытых метафизических процессов, происходящих в мире и сознании человека. В литературоведении закреплено мнение о принадлежности И. Жданова к поэтам-метареалистам. В эзотерической традиции важную роль играет религиозное познание мира (религия – в самом широком смысле – как поиск связи с Иным). В данном исследовании мы обращаем внимание на синтез религиозных, мистических, эзотерических представлений и традиций в творчестве поэта, что и создает возможность изучать так называемый «культурологический код» в поэтике И. Жданова.

Интерпретируя библейский миф о сотворении мира, следует вспомнить начальные строки Евангелия от Иоанна: «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было – Бог» (эта идея, как известно, содержится и в Коране, и в древних текстах Индии). Таким образом, слово представляется орудием творения, а творец – Бог, который и есть Слово. Универсальный смысл метафоры жизни как Театра близко модели мира И. Жданова. Эзотерическое представление о Цикле Мировой Драмы метафорично реализуется, на наш взгляд, на протяжении всего творчества поэта. Так, метафора Мировой Драмы отмечена уже в первых строках стихотворения: *«Ты – сцена и актер в пустующем театре // Ты занавес сорвешь, разыгрывая быт, /и пьяная тоска, горящая как натрий, /в крошечной темноте по залу пролетит»*. Согласно представлению о Цикле Мировой Драмы, мир населяют миллиарды Душ, и он существует бесконечно, по установленному Режиссером сценарию, который никто не властен изменить. Каждая Душа в этом мире – Актер, - призвана играть свою роль. Исследователи определяют ждановский мир как мир хаоса, неустойчивости, невесомости, где нет притяжения, где все навыворот. Однако из Хаоса рождается гармония. Мир утробы, хаоса – это особое состояние и пространство, где лирический герой пребывает в гармонии, ожидая своего очередного «выхода» на «сцену» в Мировой Дrame: *«И где-то на земле, до моего рожденья, / до крика моего в моё дыханье вник / послушный листопад, уже моё спасенье. // Меня на свете нет. Он знает: будет крик»* [1, с.9]. Так, происходит «рождение», однако

между жизнью и смертью отсутствует четкая граница, но происходит плавный переход из одного состояния в другое. Для нас является весьма значимым то состояние лирического героя, в котором он пребывает: «до слова», «до рождения», «преддетство» (упоминание в стихотворении «Гора»), «до крика». При этом отмечено отсутствие самого героя в реальном настоящем измерении и пребывание в другом. Лирический герой стремится найти потерянный дом, утраченный рай: *«Значит, и эта гора, честной землей объята, / уходит в глубины земли, ищет потерянный дом...»* [1, с.102]. Образ «дома» неоднократно встречается в лирике Жданова. Так, например, в стихотворении «Дом» лирический герой покидает свой дом, но память хранит его вечно, даже если: *«...Умирает лйдом, если мы этот дом покидаем?//Умирает ли дом, если он забывает о нас?»* [1, с.41]. Так, существует нечто, над чем физическая смерть не имеет власти, но что способна сохранить Душа: это память. Мотив памяти также является ключевым мотивом в творчестве поэта. Возвращаясь к традиции о Цикле Мировой Драмы, следует отметить, что после того, как роль Души сыграна, она непременно должна вернуться домой. И, пребывая во сне, в тишине и спокойствии, ожидает очередного выхода к следующей роли. Именно подобное состояние - «до рождения», «до слова», «до крика» и состояние сна – окутывает лирического героя И.Жданова: *«Ты – соловьиный свист, летящий рикошетом.//Как будто кто-то спит и видит этот сон,/где ты живешь один, не ведая при этом,/ что день за днем ты ждешь, когда проснется он»* [1, с.5] или же: *«О, дайте только крест! И я вздохну от боли,/и, продолжая дно, и берега креня.//Я брошу балаган – и там, в открытом поле... //Но кто-то видит сон, и сон длинней меня»* [1, с.6]. Характерное время суток для сна – ночь: *«Так ночь пришла, сближая все вокруг,/ и, в собственные тени погружаясь,/ушли дома на дно прикосновений.//И бой часов был переплавлен в тень,/дающую немое представленье /о медленном смещенье расстояний»* [1, с.22]. Пребывая дома, Душа пребывает во сне, и все мысли и чувства находят свой покой, как будто опускаясь на дно. Однако, не менее интересной нам представляется также эзотерическая традиция в сюжете о прецессии Земли, или смещении расстояний, что также завершает Цикл: *«За горизонтом порой исчезает Медведица – это/смещается ось Земли, вопрошают и тварь, и дух:/- Куда провалился знак, путеводный подросток света?//Где неба привычного лик, из каких вырастает прорух?»* [1, с. 102] или же: *«На обочине неба, где твой затаен Козерог /в одиночном кошаре, как пленом объятый зверек, /где Медведицы воз укатился в чужие просторы, / заплетая созвездья распляской в чужие узоры, - /мы стоим на пороге, не зная, что это порог»* [1, с.71]. «Небо убывает», в себе «пропадает» - так метафорично вырисовывается завершения Цикла Мировой Драмы, или же смена отдельных исторических, культурных Эпох, на смену которым приходят другие события и времена. Таким образом, мир не завершается, но постоянно продолжает свое существование в непрерывности цикла бытия: *«И по мере того, как земля, расширяясь у ног,/будет снова цвести пересверками быстрых дорог, / мы*

увидим, что небо начнет проявляться и длиться, / как ночной фотоснимок при свете живящей зарницы, - / мы увидим его и поймем, что и это порог» [1, с. 72]. В аналитической литературе также упоминается, что Жданов – «трагический метареалист». Так, об этом свидетельствует и то, на какое время пришлось становление его как поэта. Апокалиптические ноты звучат в его произведениях, даже исходя из того, как в пространстве его художественных текстов меняется картина звездного неба, и проявляются другие, совсем чужие узоры. Или же, как в стихотворении «Пойдем туда дорогой колеистой»: *«Лесного эха стыд деревенеет, / оно посмертной воле не к лицу. // Дорога под ногами цепенеет. // Идет тысячелетие к концу»* или же: *«Мы умираем понемногу, мы вышли не на ту дорогу, / не тех от мира ждем вестей. // Сквозь эту ночь в порывах плача / мы, ничего уже не знача, / сойдем в костер своих костей»* [1, с.38]. Но это не есть конец, это есть ещё и начало: «мы увидим его и поймем, что и это порог». Интересной нам представляется ещё и связь лирических текстов поэта с его фотоснимками, хотя в одном из своих выступлений он настаивал на том, чтобы не сопоставлять его литературное творчество с искусством фотографии. Однако, визуальное продолжение воображаемого фотоснимка ночного неба порождает образ обратной перспективы, распространенной в искусстве древнерусской иконописи, где: *«И по мере того, как земля, расширяясь у ног, / будет снова цвести пересверками быстрых дорог...»* [1, с. 72]. Таким образом, визуально представленный фотоснимок имеет несколько линий горизонта, т.е., на наш взгляд, обозначенных в тексте как «порогов». Так, визуальная точка схода сосредоточена в самом герое, что свидетельствует о целостности его мироощущения и сверхчувственного сакрального постижении мира. При этом, порог «ночного фотоснимка» открывает для нас возможность и визуального взгляда, и метафизического – устремить взгляд в четырехмерное пространство, продолжить внутренним взглядом пейзаж, изображенный на фотоснимке, и устремить взгляд в другую реальность, в метафизическую. Есть у Жданова фотографии, на которых запечатлен Алтай с замечательными горами, холмами и просторами (что запечатлено и в литературном творчестве поэта). Опыт визуального осмысления «мистического Алтая» многообразен. Концептуальной точкой в данной традиции является творчество Н. Рериха. Так, недаром путешественник Н. Рерих искал путь в Шамбалу в алтайских горах, ученый, художник и философ Н. Рерих – эту Шамбалу обнаруживает в эзотерической мысли об «горней устремленности» духа. У И. Жданова есть стихотворение: *«Рук споткнувшейся Шамбалы взмах, / взмах отброшенной иторы - / степь произносит влюбленное «ах», / и возникают горы»*. Кроме того, в творчестве поэта часто встречается образ горы, что также помогает нам убедиться в том, то этот образ неслучайно попадает в текст и в поле объектива фотографа не в связи с внешней, «пейзажной мотивацией», а как художественная рефлексия о духовной перспективе мира. Ведь образ горы ярко иллюстрирован в его одноименном стихотворении «Гора», а также угадывается в контексте художественного пространства стихотворения «Восхождение»: *«Стоит*

шагнуть – попадёшь на вершину иглы, где/вместо укола - родник, вырываясь из мглы, /жгучий кустарник к своей подгоняет воде»[1,с.106]. В горы уединялись прозорливые монахи и люди, обладающие духовным видением, дабы в сих священных «коридорах» постичь незримое присутствие Бога или Высшего Разума,– в пространстве неведомой местности – Шамбалы, где свершали свой духовный путь: Восхождение души.

Список литературы

1. Жданов И.Ф. Место Земли (Восхождение): Стихотворения. – М.: Молодая Гвардия, 1991. – 112 с.
2. Прецессия земли и эпохи [Электронный ресурс] / Прецессия земли и эпохи. – Режим доступа: <http://www.emotions.64g.ru/apf/apf3.htm>. – [Заглавие с экрана](#).
3. Русская литература XX века (1950 – 1990-е годы) : учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 2. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 688 с.
4. Секреты мироздания / А.С. Смирнова, Н.И. Литвиненок и др. – СПб.: Политехника-сервис, 2008. – 489 с.